

Худолей Наталья Викторовна

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТ КАК ФЕНОМЕНЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена теоретическому освещению актуальных в системе современного гуманитарного знания понятий интертекстуальности и интертекста. Теория интертекстуальности и понятие интертекста рассматриваются применительно к сфере художественной коммуникации, в отношении текстов художественной литературы. Дается определение понятий "интертекст", "интертекстуальность". Делается вывод о том, что применение теории интертекстуальности и усвоение понятия интертекста помогают понять механизм достижения художественным текстом смысловой новизны и передачи культурной традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 195-198. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 168.522

Культурология

Статья посвящена теоретическому освещению актуальных в системе современного гуманитарного знания понятий интертекстуальности и интертекста. Теория интертекстуальности и понятие интертекста рассматриваются применительно к сфере художественной коммуникации, в отношении текстов художественной литературы. Дается определение понятий «интертекст», «интертекстуальность». Делается вывод о том, что применение теории интертекстуальности и усвоение понятия интертекста помогают понять механизм достижения художественным текстом смысловой новизны и передачи культурной традиции.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; интертекст; текст; теория; межтекстовые элементы; связи.

Худолей Наталья Викторовна*Красноярский государственный аграрный университет**nvkkaf@mail.ru***ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТ КАК ФЕНОМЕНЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ®**

Интертекстуальность относится к одной из наиболее актуальных и востребованных категорий современного гуманитарного знания. Понятие интертекста оказалось созвучным современной эпохе постмодернизма и времени массового приобщения к Интернету и интернет-коммуникации. Вместе с тем, теория интертекстуальности и понятие интертекста прочно вошли в сферу художественной культуры и успешно применяются в отношении текстов художественной литературы. Применение теории интертекстуальности и усвоение понятия интертекста помогут понять, каким образом художественный текст достигает смысловой новизны и передает культурную традицию.

Несмотря на то, что теория и практика интертекста возникли в искусстве модернизма и постмодернизма, интертекст имеет древнее происхождение, а практика интертекста существовала задолго до конца 60-х годов прошлого века, когда интертекст стал предметом теоретической рефлексии. Н. Пьеге-Гро, рассматривая теоретические основания интертекстуальности, отметила наличие в каждом тексте отголосков предшествующей литературной практики в наследовании традиции письма, сюжетов [15, с. 48]. Так, например, поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» строились на использовании мифических сюжетов и сюжетов героического эпоса; в поэме Вергилия «Георгики» повествование опиралось на многие предшествующие источники, среди которых выделяются «История животных» Аристотеля, «История растений» и «Причины» Феофаства, «Небесные явления» Арата, «Гермес» Эратосфена, «О зверях» Никандра Колофонского, «О земледелии» Катона Старшего, «О земледелии» и «О пчелах» Гигина, «О деревенской жизни» Варрона Реатинского [1, с. 317]. Интертекст можно обнаружить в художественных текстах Средневековья, когда авторство было коллективным, а литературный текст представлял рефлексию духовного бытия общества. Например, в средневековой русской литературе «Задонщина» имела непосредственную связь с предшествующим ей «Словом о полку Игореве», полемизировала со «Словом...» и строилась по принципу антитезы этому произведению. В эпоху Возрождения, а затем и классицизма подражание древним образцам считалось необходимым и понималось как движущая сила творчества, поскольку способствовало обогащению языка, развивало ученость и эрудицию авторов, помогая им приблизиться к лучшим авторам прошлого и быть интересными читателю, а не только себе [5, с. 255-256]. Таким образом, будучи единожды созданным автором и становясь частью постоянно расширяющегося культурного пространства, текст может вовлекаться в процесс порождения новых текстов, поскольку его фрагменты или даже весь он целиком способны отражаться во вновь создаваемых текстах, делая для автора передачу определенной мысли более эффективной и оптимизируя восприятие и понимание нового текста для адресата [6, с. 255].

В XX веке была разработана теория интертекста и систематизированы интертекстовые практики. В искусстве и литературе XX в. интертекст стал одним из действенных приемов художественной игры смыслами, разными контекстами, осознанной полисемии, внутренней диалогичности создаваемого текста. Процесс обновления литературы рассматривался с точки зрения феномена интертекстуальности, понимаемой как форма самонасыщения литературы, бесконечная игра дифференцирования и новаторства при обращении к предыдущим текстам [15, с. 49].

В современной культурологии существует точка зрения [25], согласно которой в основе теории интертекста находятся три других теории: теория диалоговой концепции и смысловой полифонии художественного текста М. М. Бахтина, теория Ю. Н. Тынянова о пародии, теория анаграмм основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Таким образом, явление интертекстуальности изначально имеет двойственную природу и строится на взаимопересечении литературоведения и лингвистики.

М. М. Бахтин выдвинул тезис о «диалогичности» художественного текста, основываясь на том, что вся наша речь, включая творческие произведения, состоит из чужих, когда-то и кем-то уже произнесенных

слов [4, с. 250-252], и полагал, что понимание текста возможно только при условии его соотнесения с другими текстами, поскольку любой текст возникает как явный или неявный ответ на другой, уже созданный текст. Ю. Н. Тынянов рассматривал возможность построения новых текстов на основе пародии, которую понимал в широком смысле – как возможность введения в текст чужой речи в скрытой форме, без явных формальных признаков чужой речи при помощи использования реминисценций, отсылок к текстам предшественников, использования схожих мотивов. Ф. де Соссюр, рассматривая явление анаграмм, подразумевающих их дальнейшую расшифровку, предположил, что принцип анаграммы сопричастен такому принципу построения текста, когда цитируемый текст вводится в новый текст не явно, требуя дальнейшего своего распознавания.

Изучение явления интертекстуальности и интертекста продолжилось в трудах зарубежных философов – представителей постструктурализма (Ю. Кристева, Р. Барт, Л. Женни, Ж. Женетт, М. Риффатер, У. Эко и др.). Ю. Кристева, давшая определение интертекстуальности, считала, что текст представляет собой постоянное взаимопересечение других текстов [11, с. 46]. Опираясь на диалоговую концепцию М. М. Бахтина, Ю. Кристева считала, что «каждый текст строится как мозаика цитирований, каждый текст – это приспособление к другим текстам и их трансформация» [Там же, с. 74], а при выстраивании собственного повествования автор, пытаясь обогатить свое высказывание, сознательно использует чужую речь, которая в новом контексте непременно наполняется новым смыслом [Там же, с. 81]. При этом Кристеву интересуют не интертекст как объект, но сам процесс, лежащий в основе интертекстуальности, поскольку Ю. Кристева понимает интертекст как бесконечный процесс, динамичное воспроизведение текста в тексте.

Р. Барт характеризует интертекстуальность как обязательное наличие в тексте межтекстовых отношений в виде цитат, кодов, голосов, формул, структур, являющихся необходимым условием для возникновения нового текста [3, с. 78]. Последователь Р. Барта, Л. Женни считал, что интертекст представляет собой совокупность предшествующих текстов [15, с. 53].

В ином ключе определял интертекстуальность Ж. Женетт, считавший, что отношения между текстами строятся на основе транстекстуальности, или текстовой трансцендентальности – обобщающего класса, куда он включает все, что выходит за рамки конкретного текста и служит способом его внедрения в пространство литературы [Там же, с. 54]. Для Ж. Женетта интертекстуальность выступает не в роли первоэлемента литературы, а как один из типов существующих в ней взаимосвязей, составляющий основу той ткани, которая определяет специфику литературы. По Ж. Женетту, собственно интертекстуальные связи основаны на отношении соприсутствия в новом тексте двух или нескольких предшествующих текстов.

М. Риффатер рассматривал понятие интертекстуальности как продукт читательского восприятия. Утверждая, что интертекст, в первую очередь, является продуктом акта чтения, Риффатер не только предоставил читателю полную свободу в опознании и идентификации интертекста, но сделал читательскую память и осведомленность единственными критериями, позволяющими говорить о наличии интертекста [Там же, с. 57].

У. Эко, взяв за основу наличие в тексте элементов других текстов, разработал концепцию интертекстуального диалога, под которым понимал феномен обнаружения и распознавания предшествующих текстов в новом тексте. Тексты-предшественники «эхом» звучат в нем в виде непосредственного цитирования, аллюзий, плагиата, пародирования, иронической игры с заимствованиями, новых вариаций уже существующего текста [24].

В дальнейшем изучение интертекста и интертекстуальности продолжили отечественные исследователи (И. В. Арнольд, И. П. Ильин, Ю. Н. Караулов, В. П. Москвин, К. П. Сидоренко, Ю. П. Солодуб, Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева и др.). О сложности феномена интертекстуальности можно судить по множеству существующих изменчивых определений этого понятия и отсутствию четких границ у понятия «интертекст». Так, например, В. И. Тюпа отмечает: «<...> понятие интертекста <...> нередко остается весьма неопределенным и расплывчатым, прилагаемым едва ли не к любой группе произведений, объединяемых исследователем по тому или иному признаку» [21, с. 252]. Н. А. Николина под «интертекстом» понимает элементы одного текста, посредством которых читатель отсылается к иному тексту [14, с. 226]. Ю. С. Степанов рассматривает интертекст как многоуровневую сложную конструкцию, образованную из идей, понятий и представлений [19, с. 3]. В. П. Москвин считает, что интертекст является семиотически двуплановой структурой, в которой идеи, образы, представления составляют план содержания, а фигуры интертекста являются планом выражения [13, с. 20-21].

Нам ближе понимание интертекста как «объективно существующей информационной реальности, являющейся продуктом творческой деятельности человека, способной бесконечно самогенерировать по стреле времени» [12, с. 14]. Поэтому важно установить границы интертекста, его отличительные черты и понять, в какой мере след того или иного текста можно считать несомненным признаком его присутствия в другом тексте. Ведь если исходить из понимания интертекста как текста, выстроенного по принципу использования фрагментов из текстов-предшественников, тогда получается, что практически любой текст будет являться интертекстом, а его интерпретация превратится в субъективно-импрессионистическое прочтение.

Интертекстуальность рассматривается с разных точек зрения. Во-первых, как способ создания автором собственного текста, используя тексты предшествующих эпох (И. В. Арнольд, К. П. Сидоренко, Н. А. Фатеева и др.). И. В. Арнольд понимает под интертекстуальностью включение в новый текст других текстов (целых или фрагментированных в виде цитат, реминисценций, аллюзий) с иным субъектом речи [2, с. 346]. С точки зрения Н. А. Фатеевой, интертекстуальность – это способ создания нового концептуально-авторского текста посредством сложного взаимодействия автора с другими текстами [22, с. 12]. К. П. Сидоренко вводит понятие интертекстемы, подразумевая «чужой голос», или текст другого автора, в той или иной степени присутствующий в новом тексте [17, с. 317].

При исследовании интертекстуальности в текстах художественной литературы используется понятие «прецедентности» и «прецедентного текста», выступающего в роли целостного знака, отсылающего к предшествующему тексту. Прецедентность и интертекстуальность объединяют их принадлежность к свойствам «культурных предметов» [7, с. 56]. Прецедентность лежит в основе интертекстуальности и, шире, любой образности, поскольку любые образы и представления формируются в результате освоения предыдущего опыта. В целом, вся культура представляет собой прецедентный феномен, поскольку ее преемственность обеспечивается передающимися из поколения в поколение достижениями в различных областях знания, а также социальными и духовными нормами [Там же, с. 59]. Определение прецедентных текстов дал Ю. Н. Караулов, рассматривающий их как «тексты, <...> значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, <...> обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [9, с. 216-217]. По Ю. Н. Караулову, в качестве прецедентных текстов могут выступать любые явления культуры, хрестоматийно известные практически всем носителям данного языка, общее достояние нации, элементы национальной памяти. Текст становится прецедентным в случае использования его как средства символизации [16, с. 15]. Прецедентный текст или его элементы могут включаться в более поздний художественный текст, вызывая эффект смысловой новизны. В дальнейшем в отечественных исследованиях было сформулировано понимание прецедентного феномена как «социально и культурно значимого общеизвестного представления о чем-либо, выполняющего в социуме роль эталона культуры, метафоризированного и символического» [7, с. 55]; были выделены уровни прецедентных текстов, в частности, национальный и универсальный, имеющие наиболее важную культурную значимость, выявлены механизмы культурной актуализации прецедентных текстов, а также разработана типология прецедентных феноменов. Так, например, интертекстовый анализ художественных произведений авторов XX – начала XXI в. выявил широкий спектр опорных категорий текстов, выступающих в качестве прецедентных, или пре-текстов, при построении новых текстов культуры: 1) Священное Писание; 2) классические русские произведения (преимущественно XIX в.); 3) классические зарубежные произведения; 4) мифологические тексты; 5) фольклорные тексты; 6) авторские песни [10, с. 286-287]. Актуализация прецедентного текста в культуре, осуществляемая за счет механизмов перцепции и апперцепции, представляет собой многомерный и сложный в информационном отношении процесс, поскольку актуализируется не только сам текст или его фрагмент, но и многочисленные факторы, сопутствующие возникновению текста, например, исторический контекст создания произведения, разновременные текстовые интерпретации [23, с. 133]. Отсылая различными способами читателя к предыдущим текстам, автор заставляет его искать смысл текста при помощи выстраивания сложных межтекстовых связей. При этом как сам автор должен осознавать прагматическую задачу при использовании отсылок к предыдущим текстам, поскольку «прецедентный текст всегда формирует некий концепт – социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью» [6, с. 258], так и читатель должен быть знаком с исходными текстами и понять факт авторской отсылки к этим текстам. На наш взгляд, только в этом случае совпадения авторской интенции и адекватной читательской идентификации при обращении к прецедентному тексту возможен диалог автора и читателя – диалог во времени, имеющий эмоциональную и ценностную значимость, порождающий новые текстовые смыслы.

Другую группу интертекстуальных отношений составляют автоинтертекстуальные связи. Понятие внутренней текстуальности, или автоинтертекстуальности, употребляется В. Н. Топоровым, рассматривающим автоинтертекстуальное пространство как смысловое пространство, которое образуется текстами данного автора и реализуется посредством автоцитации [20, с. 9].

Во-вторых, интертекстуальность понимается как способ связи между текстами различных эпох или способ текста вписаться в историко-литературный контекст (И. П. Ильин, Ю. М. Лотман, Ю. П. Солодуб и др.). И. П. Ильин под «интертекстуальностью» понимал множественность способов взаимодействия различных текстов внутри отдельного текста [8, с. 217]. Ю. П. Солодуб считал, что интертекстуальность можно описать как взаимодействие более раннего и более позднего художественных текстов, принадлежащих разным авторам [18, с. 51]. Ю. М. Лотман, проанализировав понятие интертекстуальности в разных аспектах (с точки зрения теории референции, теории информации, семиотики), пришел к заключению, что интертекстуальность – это «онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного), определяющее его “вписанность” в процесс (литературной) эволюции» [12, с. 14].

Учитывая все изложенные точки зрения, мы можем предположить, что интертекст – это новый текст, возникший в результате использования автором межтекстовых элементов и связей, вводящих в культурное пространство нового текста всю совокупность отразившихся в нем предыдущих текстов. Эти тексты, являясь отражением предыдущей культуры, попадая в новый историко-культурный контекст, подвергаются деформации, становясь источниками смысловой новизны. Таким образом, интертекст является механизмом сохранения культурной памяти и трансляции культурной традиции. Интертекстуальность – это совокупность способов введения (художественного) текста в культурное пространство другого текста с целью достижения смысловой глубины, новизны и передачи культурной традиции.

Список литературы

1. **Античная литература** / под ред. А. А. Тахо-Годи. Изд-е 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1973. 440 с.
2. **Арнольд И. В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 444 с.
3. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 1986. С. 250-296.
5. **Белле Ж. дю.** Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 2. Кн. 2. С. 223-270.
6. **Бобырева Е. В., Карасик В. И.** Прецедентность религиозного дискурса // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 255-279.
7. **Воркачев С. Г.** Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 52-70.
8. **Ильин И. П.** Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: энциклопедический справочник / ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М.: Интрада, 1996. 319 с.
9. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
10. **Каунова Е. В., Шишкина М. В.** Интертекстуальность в художественном дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 280-304.
11. **Кристева Ю.** Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
12. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
13. **Москвин В. П.** Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 16-51.
14. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования. 4-е изд-е, испр. М.: Академия, 2014. 272 с.
15. **Пьеге-Гро Н.** Введение в теорию интертекстуальности [Электронный ресурс] / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с. URL: <http://bukvo.net/science/philology/14510-vvedenie-v-teoriyu-intertekstualnosti.html> (дата обращения: 15.09.2015).
16. **Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь** / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. Вып. 1. 318 с.
17. **Сидоренко К. П.** Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. С. 317-330.
18. **Солодуб Ю. П.** Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2. С. 51-57.
19. **Степанов Ю. С.** «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 3-11.
20. **Топоров В. Н.** Об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака // Пастернаковские чтения / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1998. Вып. 2. С. 4-37.
21. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд-е, стер. М.: Академия, 2008. 336 с.
22. **Фатеева Н. А.** Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12-21.
23. **Шестаков Л. А.** Интертекстуальность и когнитивная теория текста // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 125-147.
24. **Эко У.** Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 48-73.
25. **Ямпольский М. Б.** Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М.: Инфра-М, 1993. 408 с.

**INTERTEXTUALITY AND INTERTEXT AS PHENOMENA
OF ARTISTIC COMMUNICATION: THEORETICAL ASPECT**

Khudolei Natal'ya Viktorovna
Krasnoyarsk State Agrarian University
nvkkaf@mail.ru

The article is devoted to the theoretical interpretation of the notions of intertextuality and intertext topical in the system of contemporary humanitarian knowledge. The theory of intertextuality and the notion of intertext are examined with regard to the sphere of artistic communication, in relation to fiction texts. The definition of the notions “intertext”, “intertextuality” is given. The conclusion is made that the application of the theory of intertextuality and mastering the notion of intertext help to understand the mechanism of achieving sense novelty and the transmission of cultural tradition by the fiction text.

Key words and phrases: intertextuality; intertext; text; theory; intertextual elements; connections.